

ще и для монархов в особенности), о происхождении славян из единого «корня», восходящего к библейским персонажам (например, рассказы о внуке Ноя князе Мосохе как основателе Москвы) или легендарным героям (о Русе, Лехе и Чехе — основателях трех братских народов), о древнейшей славе этих народов, их победах над мировыми монархиями (Византией и Римом), о преемственности от этих монархий традиций власти и ее символических регалий, о просветителях славян, их древней книжности, «божественности» и великолепии их языка и т. п. Современная история в этих случаях считалась прямым и законным продолжением истории древней, как и в свою очередь легендарной предыстории. Поставив свой труд на службу «Роду и Обществу» (по Й. Раичу), историографы утверждали (как писал анонимный русский историограф XVII в.), что благодаря «истории» мы «...от прошедших дел настоящее познаваем, а будущее (история) разумом изобразует».

Весь этот комплекс историографических идей последовательно переносился из страны в страну по мере вступления каждой из них в переходный период своего развития, но в каждой стране он получал новое и своеобразное национально-патриотическое воплощение. Эти пути славянской историографии обозначаются веками обширных сочинений польских авторов, излагавшихся сначала на латинском, а затем и на народном языках (хронографические книги М. Кромера, М. Стрыйковского, С. Сарницкого, М. Бельского, М. Меховского и др., XVI в.). Затем в это течение входит книга далматинца Мавро Орбини (1601 г.), изданная позже в русском переводе («Книга историография початия имене, славы и разщирения народа славянского...», 1722), и получившие общеевропейское признание двенадцатитомные «Анналы» итальянского кардинала Цезаря Барония (1588—1607), которые были впоследствии сокращены польским писателем Петром Скаргой и в таком виде изданы также по-русски («Деяния церковная и гражданская...», 1719). Впоследствии эти два труда в их русских изданиях оказали влияние на южнославянскую историографию (в особенности на Паисия Хилендарского). Однако еще до этого вслед за польской историографией получает значительное развитие историография украинская с ее знаменитым «Синописом» (1674 г.), переиздававшимся в России до начала XIX в., с ее оригинальной, почти эпической казачьей историографией (сочинения Л. Боболинского, «Самовидца», Г. Грабянки, С. Величко и др.), вплоть до «Истории Русов или Малой России» (XVIII в.), автор которой, по словам А. С. Пушкина, обладал «кистью великого живописца». Используя традиции киевского «Синописа», трудов Орбини, Барония и др., а также с необычайной силой преодолевая эти традиции, с конца XVII в. создается русская историография (анонимный историк царя Федора, Ф. Грибоедов, А. Лызлов, Т. Каменевитч-Рвовский, Димитрий Ростовский, А. Манкиев и др.), достигающая высокого взлета в больших трудах В. Татищева, великого ученого М. Ломоносова («Древняя российская история», 1766), М. Щербатова и др. — до последнего «историографа» (притом официально носившего этот титул) Н. Карамзина («История государства Российского», 12 т., 1816—1829).

Одновременно с этим процессом развития русской историографии в Болгарии создается «История славяно-болгарская» (1762 г.) — труд «будителя» национального возрождения Паисия Хилендарского, затем «Зографская болгарская история», «История во кратце о болгарском народе славенском» Спиридона (1792 г.). Близкий к этому путь проходит сербская историография от обширной «Славяно-сербской хроники» Юрия Бранковича (начало XVIII в.) до четырехтомного труда Йована Раича «История разных славянских народов» (Вена, 1794—1795).

Это развитие историографии переходного периода приобрело значение обширного течения общественной мысли и публицистики научно-литературного характера, которое получало различные формы в разных социально-исторических условиях. Если, например, русская историогра-